
СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности¹

А.В. ВАНЬКЕ*, И.Н. ТАРТАКОВСКАЯ**

***Ваньке Александрина Владимировна** – кандидат социологических наук, доцент, социологический факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук; научный сотрудник, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: alexandrina.vanke@gmail.com

****Тартаковская Ирина Наумовна** – кандидат социологических наук, доцент, социологический факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук; старший научный сотрудник, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: i_tartakovskaya@yahoo.com

Цитирование: Vanke A., Tartakovskaya I. (2016) The Transformation of Russian Working Class Masculinities in the Context of Social Mobility. *Mir Rossii*, vol. 25, no 4, pp. 136–153 (in Russian)

В статье реконструируются маскулинности рабочих в постсоветской России, прослеживается их динамика в соотношении с субъективной социальной мобильностью в 1991–2015 гг. Авторы приходят к выводу, что сегодня в российском обществе сочетаются классические и новые типы мужественности рабочих. Классическая маскулинность рабочих воспроизводит образцы советского гендерного порядка и стремится достигнуть нормативного образца, что оказывается не всегда возможным. Новая маскулинность отличается независимостью, активностью и инициативностью рабочих. В то же время она воспроизводит стратегии нового гендерного порядка, в основе которого лежат ценности индивидуализма, интенсивного потребления и значительных инвестиций в свою внешность. С помощью этих стратегий рабочие стремятся создать свою мужественность и осуществить восходящую субъективную социальную мобильность при ограниченности их объективных условий.

Ключевые слова: рабочие, маскулинности, гендерный порядок, социальная мобильность, социальные изменения, Россия

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом (грант № 14-28-00217).

Тема трансформации маскулинностей в позднесоветский и переходный периоды в России является относительно изученной и представлена в работах российских и зарубежных исследователей [Здравомыслова, Темкина 2002; Кон 2009; Tartakovskaya 2000; Ashwin 2000; Kay 2006]. Ее основным лейтмотив – это переустройство советского режима, включая его социальный, экономический, политический и гендерный порядок, повлекшее за собой изменение как социальных статусов, так и устоявшихся норм и стратегий гендерного поведения.

Советский гендерный порядок со свойственным ему неравным распределением власти между мужчинами и женщинами, а также между разными группами мужчин строился вокруг гегемонной маскулинности [Здравомыслова, Темкина 2007], для которой, с одной стороны, были характерны проявление мужской силы, приверженность труду, служение Отечеству. С другой стороны, ее отличала невозможность проявления низовой инициативности, независимости и свободомыслия, что приводило к расхождению между декларируемыми и реальными маскулинными практиками [Шилина 2005]. Советским женщинам предписывались лояльность, непорочность и скромность, следование контракту работающей матери, в то время как мужчины, занимавшие подчиненные позиции, должны были выражать уважение и лояльность мужчинам, обреченным властными полномочиями [Kay 2006, p. 9].

Особое место в социальной структуре занимали рабочие, и прежде всего мужчины рабочих профессий, которые за счет идеологической пропаганды активно присутствовали в публичной сфере, а также ввиду определенного устройства советской экономики имели реальную возможность зарабатывать сопоставимые с образованными социальными группами деньги и выступать кормильцами в семье, хотя и не единственными. Советские рабочие были «трудоцентричны» в силу оказания на них жесткого нормативного давления и из-за того, что их материальное положение все же всегда оставляло желать лучшего [Ядов, Здравомыслов 2003]. Несмотря на это, их социальному статусу придавалась символическая значимость: рабочие были в почете, что в какой-то степени поддерживало их уверенность в себе и позволяло создавать нормативную маскулинность. В реальности же их положение было противоречивым, поскольку доступом к сопоставимым материальным ресурсам обладали и женщины.

Тем не менее социальная поддержка и забота советского государства о семьях рабочих открывали им доступ к таким социальным благам, как получение высшего образования и социального жилья, предоставление рекреационных возможностей и медицинского обслуживания. После распада Советского Союза положение рабочих резко ухудшилось: снизился их статус, произошло символическое обнищание ручного труда, что привело к габитусной неуверенности мужчин рабочих профессий [Meuser 2003], которые были уже не в состоянии придерживаться нормативного образца [Kiblitckaya 2000].

В статье мы намерены проследить связь между изменением социального положения рабочих и трансформацией их маскулинностей в период 1991–2015 гг. Актуальность этой темы связана с тем, что в последние полтора десятилетия интерес к рабочим как к социальной группе значительно снизился, и, хотя были проведены определенные исследования, посвященные различным аспектам жизни российских рабочих [Темницкий 2006], работ, рассматривающих их через призму гендерного анализа, практически не существует.

В этой работе мы опираемся на подход Р. Коннелл, согласно которому, маскулинности сконструированы социально и представляют собой паттерны гендерной практики, поддерживаемые в качестве коллективных представлений на уровне институтов. С одной стороны, они создаются в процессе повседневного взаимодействия лицом к лицу, с другой стороны, конституируются работой над индивидуальными структурами: труда, власти, катексиса и символических репрезентаций [Коннелл 2001, с. 855]. Говоря о множестве маскулинностей, выстраивающихся в иерархическую систему, Р. Коннелл выделяет доминирующие гегемонные типы, при которых воспроизводятся классические патриархальные представления, свойственные актерам, обладающие высокими социальными статусами, и вместе с ними сосуществуют подчиненные, маргинализованные и исключаемые типы, которые характерны для мужчин с низкими социальными статусами.

Мы согласны с выводом о том, что стремление соответствовать нормам гегемонной маскулинности представляет собой не просто набор разрозненных практик, но определенную стратегию, вынуждающую мужчин приспосабливаться к позиции власти и благосостояния, а также воспроизводить и легитимировать социальные взаимоотношения, поддерживающие доминирование мужчин в качестве социальной группы [Carrigan, Connell, Lee 1985, p. 592]. Гегемонная, т.е. доминирующая в данном конкретном обществе и в данный исторический момент маскулинность неразрывно связана с понятием социального успеха, который может выражаться в разных терминах в зависимости от общей конфигурации гендерного порядка данного общества, но в любом случае мужчины, не способные продемонстрировать свою «успешность», оказываются лишенными не просто некоторого набора социальных благ – под вопрос ставится их маскулинная состоятельность, в конечном счете, гендерная идентичность. При этом набор успешных социальных позиций всегда достаточно сильно ограничен.

В современном рыночном обществе успех всегда имеет монетарную составляющую, хотя, безусловно, к ней не сводится: в данном случае играет роль символическая принадлежность к идеологически поддерживаемым группам мужчин, обладающих правильной для сложившегося культурного контекста маскулинностью. Так, в советском гендерном порядке мужчины – индустриальные рабочие, условно говоря, относились к «одобряемому» типу маскулинности, связанному с государственной идеологией. В современном же российском обществе они имеют невысокую социальную позицию, никак не ассоциирующуюся ни с успехом, ни с маскулинным самоутверждением.

Таким образом, они сталкиваются с серьезным социальным вызовом, связанным с поиском средств для утверждения своей маскулинной состоятельности. И поскольку реальные возможности социальной мобильности, т.е. перехода в более успешные социальные страты, имеющие доступ к материальным ресурсам и власти, для них чрезвычайно затруднен, им приходится искать другие средства, с помощью которых их маскулинность может быть репрезентирована.

В этом смысле стремление мужчин-рабочих символически повысить свой статус за счет определенных социальных практик для достижения нормативного образца может быть изучено с помощью понятия «субъективная социальная мобильность», под которой мы понимаем субъективные восприятия, переживания и ожидания социальных агентов относительно своего социального статуса

[*Van den Berg* 2011, p. 504–505]. Так, авторов статьи, скорее, интересуют стратегии создания рабочими маскулинностей в соотношении с их восприятием своего социального положения в социальной иерархии и расположения себя на условной шкале успешности. Другими словами, мы обращаем внимание на символическое измерение социальной мобильности и перемещений из одного класса в другой, которые рассматриваются П. Бурдьё через изменение конфигурации и объемов капиталов: экономического, социального, символического и др. [*Бурдьё* 2007].

Структура и процедура сбора эмпирических материалов

Для решения исследовательской задачи – анализа представлений мужчин-рабочих о своей маскулинности в контексте их субъективной социальной мобильности – мы объединили с целью вторичного анализа часть эмпирических материалов (интервью и наблюдений), собранных в рамках нескольких исследовательских проектов, проведенных в 1992–2015 гг.:

1. Материалы проекта «Век социальной мобильности в России» включают 105 биографических интервью, проведенных в 1992–1994 гг. в Москве, Санкт-Петербурге и Кураге с предпринимателями, крестьянами, рабочими, а также с представителями интеллигенции и номенклатуры. Особое внимание уделялось вопросам социальной мобильности в трех поколениях, ситуациям выбора и смены социального статуса в условиях социально-исторических трансформаций XX в. «Большинство семей принадлежали к крестьянскому сословию; несколько – к рабочим» [Судьбы людей 1996, с. 9]. В базе имеется 6 интервью с рабочими, из них – 4 мужчин.

2. Эмпирические материалы лонгитюдного проекта «Гендерные стратегии на рынке труда», выполненного в Москве, Самаре, Сыктывкаре, Ульяновске в 1999–2001 гг. (еще одна волна – в 2010 г.). Было проведено сравнение трудовых стратегий мужчин и женщин, чья жизненная ситуация требовала активных действий в данной области. В каждом городе было отобрано по 30 мужчин и 30 женщин; таким образом, общее число респондентов составило 240 чел. Интервью проходили с путеводителем, содержание которого менялось и уточнялось в зависимости от задач конкретного этапа исследования. В числе опрошенных мужчин было 38 промышленных рабочих.

3. Исследование одного из авторов статьи, проведенное в 2009–2013 гг., содержит 44 биографических интервью с представителями рабочих профессий (20 мужчин) и офисными служащими (20 мужчин) в возрасте от 20 до 55 лет, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге. Исследование было направлено на изучение телесности российских мужчин в режимах труда и приватной сферы. Гайд интервью содержал блоки вопросов о родительской семье, образовании, трудовой сфере и досуговых практиках. Для данного анализа были использованы преимущественно интервью с рабочими, хотя их ровесники – офисные служащие также рассматривались по мере исследовательской необходимости в качестве контрольной группы.

Таким образом, общее число интервью с мужчинами-рабочими составляет 62 единицы. Объединение этих материалов в общую базу данных для целей этого

конкретного анализа стало возможно в результате нескольких методических оснований. Во-первых, хотя они проводились, естественно, по разным гайдам, но имели общую логику и подчинялись одной и той же исследовательской стратегии: во всех случаях это были биографические полуструктурированные интервью, направленные на то, чтобы получить более насыщенное описание жизненной истории респондента. Во-вторых, исследователей во всех трех случаях интересовал не какой-то отдельный аспект жизни и деятельности респондента, но их взаимодействие в рамках биографии, включая его жизненные стратегии на разных этапах социальной и профессиональной мобильности, а также самооценку в пространстве социальных статусов. В-третьих, в каждом из этих проектов уделялось внимание не только принадлежности к той или иной ячейке социальной структуры, но и гендерным аспектам профессиональных и прочих выборов, совершаемых респондентами на протяжении жизненного пути. В частности, мужчинам-работчим, как и другим респондентам, задавались вопросы об их жизненных планах, представлениях об успехе, организации их личной жизни, потребительском поведении, проведении свободного времени, что провоцировало их на рассуждения о самих себе именно как о мужчинах, стремящихся решать свои маскулинные задачи и с помощью различных стратегий утверждать себя именно в этом гендерном качестве (успешно или неуспешно). Все это сделало интервью из трех проектов вполне сопоставимыми между собой и позволило выявить повторяющиеся паттерны социального поведения. Тот факт, что они были разнесены во времени на два с лишним десятилетия, позволил проследить, с одной стороны, определенную динамику изменения этих паттернов, с другой их значительную преемственность, и обогатил возможности нашего анализа.

Трансформации маскулинности рабочих в период реформ 1990-х гг.

Почти не существует исследований, посвященных маскулинности позднесоветских рабочих: возникновение и развитие гендерных исследований в России совпало с концом советской эпохи, когда сам объект такого гипотетического исследования начал трансформироваться под влиянием новых социальных вызовов. На наш взгляд, рабочие как социальная группа могут рассматриваться через призму общего анализа советского гендерного порядка, который описывается в научной литературе как этакратический, что означает, что главную роль в определении формата гендерных контрактов и содержания гендерных ролей играла государственная гендерная политика [Ashwin 2000; Здравомыслова, Темкина 2007]. Большинство гендерных исследователей полагает, что маскулинность в рамках этого порядка предполагала преимущественную самореализацию мужчин в публичной сфере, на службе государству в качестве воинов и защитников, а также героического труда в мирное время. Эти требования относились к мужчинам, принадлежащим ко всем социальным группам, и были достаточно консистентны, другими словами, советская маскулинность имела достаточно четкую нормативную структуру, которая, безусловно, варьировалась в зависимости от контекста, но имела единое смысловое ядро [Кон 2009; Ашвин 2001]. Однако из этого не следует, что

эта модель принималась и разделялась всеми советскими мужчинами. Более того, в самой ее конструкции были заложены серьезные противоречия, связанные с тем, что, поддерживая власть и авторитет мужчин в публичной сфере, советская гендерная политика подрывала ее в сфере семьи, оказывая женщинам прямую социальную поддержку и в значительной степени выводя их из-под мужского контроля. Публичные декларации о «настоящих мужчинах», героях труда, защитниках семьи и государства все сильнее расходились с действительностью: реальность 1970–1980-х гг. предоставляла мало возможностей для героизма и самопожертвования, а в повседневной жизни мужчинам недоставало автономии и ресурсов для самоутверждения. Сложившаяся в результате этого ситуация была описана в научной литературе как позднесоветский кризис маскулинности [*Здравомыслова, Темкина* 2002, с. 450–451; *Ashwin, Lytkina* 2004].

Однако есть основания полагать, что рабочих этот кризис затронул в меньшей степени, чем представителей советского среднего класса просто потому, что дистанция между нормативной маскулинностью и реальными практиками была для них не столь значительна. Как показали исследования, концепт маскулинности в среде рабочего класса в значительной степени строился на индивидуальном проекте практических умений и относительной самостоятельности в рамках своих трудовых компетенций [*Меуцеркина* 2002, с. 282–286], и у рабочих подобных возможностей демонстрировать их в своем профессиональном поле было достаточно. Немаловажен был также тот факт, что труд рабочих неплохо оплачивался по сравнению, например, с инженерно-техническим персоналом: как показала М. Киблицкая, большинство из них при наличии работающих жен успешно справлялись с ролью основного кормильца семьи, их вклад в семейный бюджет был решающим [*Kiblitckaya* 2000, p. 91–94].

Многие из наших респондентов, имевших опыт работы на производстве в советское время, подчеркивали преимущество своего социального статуса.

«Я не знаю, связан с народом вечно.... Но я хочу сказать, что нормально жили.... Ну, как обычно, как все...[Родители] трудились на заводе. Отец пошел по партийной линии... (возраст неизвестен, заводской рабочий, 1992 г.).

«В свое время, когда предлагали мне пойти в институт, ну не в 2001 г., а раньше... Ну, инженер тогда получал сколько? И работяга тогда сколько получал? И я остался простым работягой. А сейчас время видите, какое пошло? Учись, не учись, сейчас везде своих суют...» (47 лет, жестянщик, 2010 г.).

Постсоветские экономические и социальные трансформации нанесли серьезный удар по этому базису маскулинной состоятельности представителей рабочего класса: идеологическая поддержка фигуры «настоящего мужика-рабочего», мастера на все руки, главы семьи и опоры государства прекратилась. Медийное пространство стало стремительно заполняться образами новых успешных мужчин – предпринимателей, плейбоев, а нередко даже и романтизированных криминальных авторитетов, и рабочим среди этой новых моделей гегемонной маскулинности места уже не было [*Чернова* 2003]. Но куда сильнее, чем идеологические изменения, по рабочим ударили рыночные реформы: сокращения рабочих мест, длительные невыплаты зарплаты, деградация социальной политики. В статье

М. Киблицкой показано, как болезненно переживали в 1990-е гг. потерю своего статуса квалифицированные рабочие, когда-то «ходившие королями», а ныне вынужденные изобретать стратегии выживания [*Kiblitckaya* 2000, p. 101–103]. Наши респонденты часто описывали в интервью этот процесс скрупулезного расчета своих повседневных затрат, выгадывание на мелочах.

«У меня все деньги уходят на питание. И если я хочу что-то купить, то я, естественно, себя начинаю ограничивать и на этот предмет откладывать какую-то сумму. Значит, я в чем-то себя ограничиваю. Если я покупаю колбасу обычно такую-то, то если я планирую что-то купить, я уже покупаю более дешевую колбасу» (38 лет, слесарь, 2000 г.).

Множественно звучали и сожаления по поводу потерянных социальных льгот.

«Тот строй зря захаяли. Можно было только чуть-чуть что-то переделать, а все остальное оставить. Пионерские лагеря оставить, курорты оставить, дома отдыха оставить. У меня сын-то вырос – в Крым ездил по 3 раза в лето. И на Оке отдыхал – 5-разовое питание. Вы представляете – за сезон – 2 раза в Крым! Вот тебе, пожалуйста, – у рабочего простого – считайте, я же работаю? ... И питание было намного лучше. Я круглый год с яблоками и апельсинами сидел. Раньше кефир, творог – не выходил у нас. А сейчас не хватает» (50 лет, электромонтер, 1999 г.).

Такая экономическая депривация с неизбежностью должна была сказаться (и действительно сказывалась) на маскулинном самочувствии. Бывшие кормильцы семьи нередко оказывались в положении полууживенцев. Позиционирование себя как взрослого, состоявшегося человека, потенциального брачного партнера стало представлять собой большую проблему.

«Да вы понимаете, даже когда я хочу купить цветы любимой женщине, и я думаю, купить ли мне цветок или перебежусь – вот это для меня уже унижительно» (34 года, гальваник, 2000 г.).

«Как я могу жениться, если я завтра останусь без работы?» (32 года, механик, 1999 г.).

Новое положение вещей принималось с чувством острой несправедливости, нередко порождая конфликты с руководством, семьей, коллегами.

«А она говорит: “Вам платят деньги”. Что это за деньги? Я ей говорю: “ты деньги не видела”... Я говорю: “Я получал деньги: дипломат открываю, и кассирша сбивается – только пачки кидала”. Она говорит: “Где ты такие деньги видел?”. А я говорю: “Пожалуйста, я тебе и телефон дам”. Я отработал там тридцать лет» (53 года, гальваник, 1999 г.).

Новым фактором на рынке труда, с которым столкнулись рабочие старшего возраста, стала сильнейшая возрастная дискриминация, когда опыт и высокая квалификация перестали служить ресурсом и социальным капиталом.

«Я работал по контрольно-измерительным приборам – та работа была более высокой квалификации, там надо было думать, и вообще та работа мне была больше по душе. Но никуда не денешься. Везде берут только до 40 лет. Было бы мне 40 лет... А в моем возрасте все, ставьте крест» (48 лет, фрезеровщик, 1999 г.).

В результате у многих рабочих произошла переоценка самого смысла своего труда, долгое время служившего источником уверенности в себе и основой утверждения своей маскулинной состоятельности. Большинство из них в интервью традиционно говорили о важности работы, о невозможности представить без нее свою жизнь.

«Вы знаете, работа для меня – все. Можно так сказать. Именно работа. И я ведь ни продать, ни купить не смогу. В общем, другого я не умею» (54 года, слесарь-инструментальщик, 1999 г.).

В этой цитате видно, что работа представляла для респондента базис социальной идентичности: он не мог «покупать и продавать», т.е. стать субъектом новых для него рыночных отношений с непонятными правилами. Но падение материальной состоятельности и престижа профессии сыграли свою роль, и все чаще в интервью стали звучать другие мотивы.

«Я работаю за деньги. И на работу я иду как на каторгу» (53 года, гальваник, 1999 г.).

Отдельные попытки со стороны государственных органов поднять престиж если не рабочих профессий в целом, то хотя бы отдельных тружеников, встречались ими с откровенной иронией.

«У меня даже медаль есть, к 850-летию (Москвы – прим. авт.), господин Лужков изволил выделить» (47 лет, жестянщик, 2010 г.).

Сложившая ситуация стимулировала появление у мужчин-рабочих несколько типов стратегий социальной мобильности. Первая, более характерная для рабочих старшего возраста, состояла в том, чтобы при любых условиях постараться сохранить свое рабочее место или хотя бы остаться на своем предприятии: некоторые из них при этом отказывались от других предложений, даже если сулили более высокую зарплату, аргументируя привычкой к своему заводу. Вторая, более адаптивная, предполагала поиски «лучшей жизни»: часть наших респондентов переходили со своих крупных промышленных предприятий в небольшие коммерческие структуры, которые в большом числе возникали в 1990-е гг., или даже пытались сами заниматься мелким бизнесом (обычно речь шла об аренде места на рынке и розничной торговле). В большинстве случаев эти попытки не увенчивались успехом, и они в итоге возвращались на рабочие позиции на своем предприятии или на любом, куда удавалось устроиться. Характерно, что эту же модель мобильности демонстрировали и некоторые инженерные работники, переходившие с предприятия в коммерческие фирмы (в основном некрупные, созданные их знакомыми). Сменив последовательно несколько таких фирм, часть из которых разорялась, а в других возникали конфликты между собственниками, многие из этих инженеров в итоге тоже устраивались работать на промышленные предприятия, но уже на рабочие должности, поскольку инженерные позиции подверглись еще более масштабному сокращению, и таким образом тоже пополнили ряды рабочего класса.

«Это просто от безысходности... Легче найти рабочую специальность. Рабочие везде требуются. По крайней мере сейчас. А если куда-нибудь головой идти работать, то необходимо знакомство иметь... На мой взгляд – сейчас лучше даже рабочим быть» (53 года, слесарь, бывший инженер, затем директор магазина, менеджер, продавец-консультант, 1999 г.).

Такого рода нисходящая мобильность часто встречалась в нашем исследовании. Многие рабочие выражали значительный скепсис по поводу образования как шанса улучшить свои жизненные возможности.

«Образование ума не прибавляет...» (38 лет, гальваник, 2000 г.).

«Никто сейчас не учится» (26 лет, водитель, 1999 г.).

Позднее, в 2000-е гг., ценность образования начала возвращаться, но в 1990-е гг. рабочие профессии, несмотря на невысокие заработки, нестабильность, постоянные жалобы на увеличивающуюся интенсивность труда, для многих выглядели как более привлекательный вариант, чем новые «коммерческие», сервисные виды занятости. На наш взгляд, это связано с тем, что они все же сохраняли какой-то базис для утверждения традиционной маскулинности, связанной с работой на предприятии, физическим трудом, мужским миром станков и механизмов. Один из респондентов, рассматривая возможные варианты трудоустройства, сформулировал это следующим образом.

«Все, что связано с каким-то унижением, лакейством, холуйством – нет. Это мне не свойственно вообще. И ни при каких обстоятельствах я на такие бы работы бы не пошел. Даже если бы меня уволили, официантом – вряд ли. Я пойду ящички грузить» (36 лет, слесарь, 1999 г.).

Это своего рода консервативная реакция на происходящие перемены, но и верность своей социальной и гендерной идентичности.

Особой проблемой, вставшей перед мужчинами-рабочими в 1990-е гг., было выстраивание отношений со своей семьей в условиях пошатнувшегося статуса кормильца. В ответ на вопрос, кто должен заниматься обеспечением семьи, почти все респонденты возлагали эту ответственность на мужчин. Проективная ситуация, при которой больше зарабатывать будет жена, воспринималась некоторыми из них чрезвычайно болезненно.

«Ну, меня бы это очень бы сильно унижало. Но я бы себя утешал, что это – явление временное, что все равно я буду зарабатывать больше. Это – только унижение» (29 лет, механик, 1999 г.).

Но такая реакция более была характерна для неженатых мужчин, которые рассматривали свою будущую семейную жизнь гипотетически. Большинство респондентов, имеющих семьи, проявляли большую гибкость, демонстрируя своего рода «прагматический эгалитаризм» [Meuser 2003]. Е.Ю. Мещеркина также отмечала, что у рабочих опыт меньшего, чем у жены, заработка не приводит к таким фрустрациям, как у представителей среднего класса [Мещеркина 2002].

«Сейчас уже не будешь так говорить – вот ты больше получаешь – как раньше было. Сейчас даже никто носом не ткнет. Вот иногда мужики говорят: “Я меньше получил, значит, я уже не мужик”.

Сейчас очень трудно, конечно...» (50 лет, электромонтер, 1999 г.).

Более проблемным, однако, остается утверждение своей маскулинности при общении с товарищами, являющимися подлинной референтной группой мужской состоятельности. В случае профессиональных неудач такое общение представляет собой достаточно травматичный опыт, который многие респонденты стараются избегать, несмотря на ценность связей в качестве элемента социального капитала.

«Постоянно поддерживаешь связи со своими знакомыми. А поддерживаешь и имеешь возможность это делать, потому что рабо-

таешь. У тебя есть деньги, ты зарабатываешь и к ним приходишь не так, “дай займы, мол”, а поговорить как равный с равным... Потому что если ты не работаешь, то пойдешь к знакомому и десять раз подумаешь: а стоит ли идти?... Если не работаешь, да у тебя уже и тон речи не тот» (38 лет, гальваник, 1999 г.).

Ключевое слово, с помощью которого респонденты-рабочие в 1990-е гг. описывали свое состояние – это **неопределенность**. С помощью него объяснялись не только перспективы и особенности социальной позиции, но и общее жизненное самочувствие, связанное, в том числе, и с возможностями выстраивания маскулинной идентичности. Утраченный «советский рай» означал не только неплохой заработок и социальные гарантии, но определенные правила игры, приводящие к успеху, четко выверенные жизненные траектории: школа – училище – предприятие.

«...а потом производственная практика, какая там система у нас была: ни влево, ни вправо. Никуда» (38 лет, токарь, 2000 г.).

В 1990-е гг. распались несущие конструкции не только этой конкретной траектории, но и любых сложившихся социальных траекторий, в том числе и связанных с маскулинной реализацией, ее нужно было придумывать с чистого листа, причем, в случае с рабочими, с минимальным социальным капиталом и экономическими ресурсами.

«Вот я прихожу на работу. Что у меня есть? Голова да руки. А поставки, обеспечение я же не могу там просто прийти... я зависимый человек, чтобы я был обеспечен работой» (41 год, слесарь, 1999 г.).

Вместо готовой жизненной «колеи» рабочие, особенно молодые, оказались на некой «пересеченной местности», обставленной к тому же разнообразными барьерами и препятствиями. В этих условиях свою маскулинность надо было во многом изобретать заново, пользуясь любыми культурными и экономическими средствами, что и привело в итоге к возникновению «миксовых», по выражению И.В. Костериной, маскулинностей 2000-х гг. [Костерина 2012, с. 61].

Старые и новые типы маскулинности 2000–2010-х гг.: рабочие в период стабилизации и неолиберализации

2000-е гг. в России характеризуются изменением политического курса, направленного на «стабилизацию» и установление «порядка»: замедление деиндустриализации и в некоторых случаях восстановление промышленности. Однако первые нулевые годы по-прежнему сопровождаются сокращением рабочих мест на производствах, уменьшением числа профессиональных училищ, низкой удовлетворенностью рабочих своей заработной платой и ощущением своей «ненужности» [Максимов 2004, с. 71]. Тем не менее, «субъективное восприятие рабочими положения на работе, жизни в целом, «сложившейся ситуации» и ближайших перспектив оказывается неоднородным, иногда парадоксальным» [Максимов 2004, с. 77], что приводит к изобретению и комбинированию разных стратегий конструирования маскулинных идентичностей, в том числе с помощью субъективной социальной мобильности.

С одной стороны, неоднородность субъективного восприятия рабочими своего социального статуса открывает возможность для реализации разнообразных, но ограниченных стратегий создания маскулинностей и траекторий социальной мобильности. С другой стороны, усиление неолиберальных тенденций, сопровождающееся снижением социальной поддержки, увеличением государственного контроля над финансовыми рынками и капиталами и, как следствие, повышением протестной активности в 2000-х гг., приводит к тому, что рабочие и независимые профсоюзы начинают восприниматься как «лишние» общественные элементы, тормозящие развитие российской и глобальной экономик [Уокер 2012, с. 523]. Так, в постсоветской России в контексте усиления социальной дифференциации и конкуренции между работниками на рынке труда возникает разделение на «успешных» и «неуспешных» – «победителей» и «проигравших» в социальной борьбе. К числу последних нередко относят рабочих-мужчин. При этом сегодня российский гендерный режим продолжает генерировать как старые образцы мужественности, характерные для советской эпохи, так и создавать новые формы мужской субъективности, соответствующие ценностям возникающего неолиберального порядка, которые образуют новые гегемонные типы мужественности, например, глобальные и транспатриархальные маскулинности (бизнесменов, акционеров, работников транснациональных корпораций), которым рабочие зачастую не могут соответствовать. Сочетание/чередование старых и новых стратегий создания маскулинных идентичностей является отличительной чертой современного российского гендерного режима и предоставляет мужчинам-рабочим возможность более суженного по сравнению с 1990-ми гг., но тем не менее достаточно широкого выбора построения жизненных траекторий и движения по социальной лестнице: вверх или вниз.

На фоне этих социально-экономических трансформаций изменились и стратегии рабочих по созданию маскулинности, что повлекло за собой переформатирование мужских габитусов, а следовательно, и изменение набора и конфигурации социальных практик рабочих. В условиях стабилизации, глобализации и усиления неолиберальных тенденций, локализованных в дифференцированном российском обществе, можно выделить два типа гендерных стратегий мужчин рабочих: создание маскулинностей классического и нового типов.

Конструирование *классической маскулинности* в большей степени характерно для мужчин в возрасте старше 40 лет. Этот тип гендерной идентичности соответствует паттернам советского гендерного порядка и вынуждает мужчин встраиваться в новые социальные реалии, обменивая свое согласие с политическим курсом и неолиберальными реформами на иллюзию стабильного социального положения. Рабочие с классической маскулинностью стремятся воссоздать гегемонный образец, который предполагает выполнение в семье роли кормильца, добытчика и защитника.

«Конечно, должен быть главный мужчина в семье. Он должен быть кормилец. Любящий своих детей, жену. Ну, вот так – защитник. Ну, любящий своих детей особенно» (46 лет, проходчик, стройка, Москва, 2011 г.).

В данном случае мы видим стремление респондента соответствовать нормативному образцу главы семейства, который обязан не только обеспечивать, но и любить своих детей и жену. Так, классическая маскулинность конституиру-

ется через воспроизводство традиционных гендерных ценностей и неравномерное распределение власти в семейной сфере.

Вместе с тем рабочие, стремящиеся к воспроизводству классической мужественности, в биографических интервью говорят о том, что их жены занимают равное с ними или доминирующее положение в семье, что идет вразрез с моделью гегемонной маскулинности.

«Вот почему-то не только у меня, у всех главенствуют жены. Я один раз пытался поставить на место. Это закончилось тем, что она получила нервный срыв. И с тех пор, значит, я не... [пытаюсь – прим. авт.]» (54 года, стропальщик, стройка, 2011 г.).

Высказывание демонстрирует, с одной стороны, удивление, а с другой стороны, смирение рабочего с ситуацией, при которой главной в семье оказывается супруга, что делает их отношения если не эгалитарными, то компенсаторными. При этом нельзя утверждать (как это делает ряд исследователей [Meuser 2010]), что мужчины-рабочие рассматривают отношения, в том числе семейные, прагматично. В данном случае мужчина-рабочий выражает желание не усугублять конфликт с супругой в обмен на согласие с равноправным распределением власти.

Все это свидетельствует о том, что достижение гегемонной маскулинности не всегда оказывается возможным, поскольку мужчины-рабочие продолжают испытывать беспокойство в связи с ухудшившимся социальным положением, что подрывает их самооценку и веру в себя, ставя под вопрос их гендерную идентичность, либо заставляет искать другие стратегии для утверждения себя в качестве маскулинного субъекта. Следующая цитата подтверждает данный тезис.

«Я начинал по вахте тут [в Москве – прим. авт.] работать. А что меня заставило сюда приехать? Старишюю мы-то выучили, все нормально получилось у нас там. А как вот эти времена плохие настали, я получал денег... сколько там? От силы три-четыре тысячи, и денег нет..., а жить-то не с чего. Так что надо, ребенка надо учить, а умница она у меня. Я говорю, либо я ее учу.... Или я, значит, остаюсь в сельском хозяйстве.... Я бросил все это образование, как говорится, ... сельское хозяйство. Но учился по специализации “стропальщик”. Вот уже пятый год работаю здесь для того, чтобы обучить, вот она в июне у меня заканчивает» (54 года, стропальщик, стройка, 2011 г.).

С одной стороны, в высказывании артикулируется проблема сужения социальных возможностей для непривилегированных социальных групп после распада СССР, а с другой стороны, демонстрируется обретение классической маскулинности через трансформацию мужского габитуса (смену профессии и трудовую миграцию).

Создание *новой маскулинности*, скорее, свойственно молодым рабочим в возрасте до 40 лет. Конструирование подобной маскулинности заставляет рабочих изобретать новые стратегии создания мужской субъективности через самообразование, повышение осознанности и критической рефлексии, в некоторых случаях через сопротивление неолиберальному порядку и как следствие – участие в протестной и профсоюзной деятельности. Рабочие с новой маскулинностью тяготеют к героизированному, свободолюбивому и романтизированному образу мужчины-борца и мужчины-активиста. Они борются за трудовые права и социальную справедливость, организуют профсоюзные ячейки и низовые инициативы на рабочем месте.

Этот тип воспроизводит гетеросексуальные нормы, но отличается от классического советского образа мужчины-рабочего самостоятельностью и активностью.

При этом молодые рабочие испытывают сложности в сфере построения эмоциональных, сексуальных и семейных отношений, зачастую имеют заниженную самооценку, считают себя «неуспешными» и «непривлекательными» в условиях усиления конкуренции на рынке труда и брачном рынке [Ваньке 2014, с. 73, 77]. Следующее высказывание подтверждает вышеприведенный тезис.

«Для молодого парня, наверное, это проблема.... То есть им же нужно, когда знакомишься с девушкой, тебе же нужно какой-то статус свой назвать. Вот я там.... Уууу, да ты в три смены работаешь, да ты работага. Да как это так? Да что я с тобой буду делать? Да зачем ты такой нужен?... Я тоже в свое время такие ответы получал, пока не понял, что я не хочу их слышать. Поэтому я и задавать вопрос не буду: “Выйдешь ты за меня замуж...?”. Зачем задавать вопрос, на который я получу ответ “Ты неудачник”» (33 года, слесарь механосборочных работ, завод, 2011 г.).

Здесь мы видим стратегию отказа от семейных отношений в виду невозможности соответствовать нормативным гендерным ожиданиям, навязанным обществом: маскулинная идентичность молодых рабочих оказывается поставленной под вопрос, что вызывает у них напряжение и эмоциональные переживания по поводу своей мужской состоятельности и заставляет считать себя «неудачниками». В подобной ситуации для повышения самооценки и увеличения своей символической значимости некоторые молодые рабочие инвестируют значительные средства и время в свое тело, которое в процессе труда изнашивается, механизмируется и отчуждается. Таким образом они пытаются осуществить субъективную социальную мобильность, которая служит средством повышения их оценки своего социального положения.

Данная стратегия создания мужской субъективности сближает молодых рабочих и офисных служащих, склонных к отправлению тех же маскулинизированных социальных практик: культурных, спортивных, сексуальных, потребительских и др. Например, молодой рабочий, занимаясь ручным трудом, получает высшее образование по менеджменту организаций. При перечислении своих увлечений он говорит, что в свободное время катается на сноуборде, горных лыжах, сплавляется на байдарках, занимается альпинизмом и конькобежным спортом, участвует в велосипедных кроссах. Наряду с этим читает художественную литературу и книги по менеджменту, слушает классическую успокаивающую музыку и занимается профсоюзной деятельностью, рассматривая свою работу на производстве как временное жизненное обстоятельство. Здесь мы можем говорить не только о стремлении рабочих с новой маскулинной идентичностью выйти из класса и совершить подъем по социальной лестнице, но и о желании всячески копировать тот стиль жизни, который ассоциируется, скорее, с более привилегированными слоями общества, при том что он часто требует значительных финансовых трат, выходящих за пределы их материальных возможностей, и стимулирует «жить в кредит». Однако поддержание маскулинной самооценки, связанное именно со стилем потребления и инвестированием в свой внешний вид, требует подобных жертв.

Как пишет А.В. Каравай, опираясь на результаты количественного исследования, уровень «потребления рабочими модных гаджетов, дорогостоящей бытовой

техники и автомобилей сравним с потреблением россиян, занимающих позиции среднего класса...» [Каравай 2015, с. 9, 10]. С одной стороны, этот вывод подтверждает тезис о размывании классовых границ в современном российском обществе и свидетельствует о возможности социальных перемещений: восходящей/нисходящей социальной мобильности. С другой стороны, он отчетливо показывает эффекты складывающегося социального и гендерного режимов: уменьшение государственной социальной поддержки и усиление социального расслоения, продвижение идей индивидуального успеха вместо стремления к коллективным действиям, направленным на борьбу за социальную справедливость, обесценивание ранее уважаемых «мужских» профессий. В таком локальном социальном контексте классическая – лояльная по отношению к российскому гендерному порядку – маскулинная идентичность рабочих оказывается заведомо проигранным, в то время как новая маскулинность может стать основой для создания привлекательной героизированной мужской субъективности (отличной от героизированного образа советского рабочего) посредством создания себя через взаимную поддержку и совместные коллективные действия, а не через активное потребление.

Заключение

Таким образом, комплексный сравнительный анализ интервью с рабочими, взятых в позднесоветский, перестроечный и современный периоды, позволяет увидеть набор отличающихся друг от друга нормативных моделей маскулинности. Советский гендерный порядок предполагал утверждение гегемонной маскулинности через связь с государством, понимаемым как служение высокой идее и общему благу. Рабочим в обобщенной модели советской маскулинности отводилась особая роль – не только кормильцев семьи и сильных мужчин, обладающих техническими умениями и навыками, но и «станового хребта» советского государства, его главный опоры и одновременно репрезентанта. Символический статус рабочих в этот период был относительно высок. Степень нормативности этой маскулинности также была значительна, она практически не предполагала для рабочих других способов позитивного самоутверждения (хотя в реальной жизни рабочие вполне могли вести себя – и часто вели – не в соответствии с ней, но все равно вынуждены были соотносить себя с этой моделью).

В период перестройки эта модель утратила и институциональную, и идеологическую поддержку, заставив мужчин-рабочих искать не только новые способы экономического выживания, но и утверждения маскулинной идентичности в условиях резкого снижения социального статуса. С одной стороны, эта ситуация порождала новые способы обретения субъектности и самоутверждения, т.е. давала определенную свободу по сравнению с советскими гендерными режимами. С другой, эта свобода постоянно сталкивалась с различными ограничениями: отсутствием ресурсов, дискриминаций (например, по возрасту), культурными и идеологическими вызовами.

В 2000-е и особенно в 2010-е гг. постепенно стала складываться новая государственная гендерная политика, хотя фрагментарная и не вполне последовательная.

В этой ситуации оказалась частично востребованной модель «рабочего-государственника», напоминающая советскую, но она остается ориентиром лишь для части рабочих (в основном старшего возраста), которые испытывают сложности при исполнении роли единственного «кормильца» в семье. Молодые рабочие, с одной стороны, предпринимают попытки создать маскулинность нового типа, которая включает измерение политической активности. С другой стороны, они воспринимают универсальную консьюмеристскую модель мужественности, связанную с материальным достатком, карьерным успехом, престижным потреблением, инвестированием финансовых и временных вложений в свое здоровье и внешний вид, за счет чего они стремятся символически повысить свой статус и осуществить тем самым восходящую субъективную социальную мобильность – при том, что их объективные возможности следовать этой модели достаточно ограничены. Наряду с этим, молодые рабочие зачастую воспринимают себя «неудачниками», что выражается в ощущении ими собственного «неуспеха» и губитусной неуверенности (в терминах М. Мойзера). Тем не менее мы можем высказать гипотезу о том, что представления о нормативной маскулинности у «синих» и «белых воротничков» сейчас значительно сближаются, а мужчины-рабочие стремятся копировать образ жизни офисных служащих.

Литература

- Ашвин С. (2001) Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // Рубеж. № 16–17. С. 5–24.
- Бурдые П. (2007) Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя. С. 14–48.
- Ваньке А.В. (2014) Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сферы // *Laboratorium*. № 6 (1). С. 60–83.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2007) Советский этакратический гендерный порядок // Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (ред.) Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. С. 96–137.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2002) Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // Ушакин С.А. (ред.) О муже(N)ственности. М.: Новое литературное обозрение. С. 432–451.
- Каравай А.В. (2015) Заведомо проигравшие: отношение российских рабочих к ресурсам и реформы социального государства. Доклад на конференции «Пересматривая профессионализм: вызовы и реформы социального государства». Москва. 21–22.05.2015.
- Кон И.С. (2009) Мужчина в меняющемся мире. М.: Время. С.127–180.
- Коннелл Р. (2001) Маскулинности и глобализация // Жеребкин С.В. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков: Алетейя. С. 851–879.
- Костерина И.В. (2012) «Ботаники» против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности // *Неприкосновенный запас*. № 3. С. 61–72.
- Максимов Б.И. (2004) Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. СПб.: Наука.
- Мещеркина Е.Ю. (2002) Бытие мужского сознания: опыт реконструкции // Ушакин С.А. (ред.) О муже(N)ственности. М.: Новое литературное обозрение. С. 268–287.
- СМИ не пишут о рабочих с натуры (2015) // *OpenEconomy*. Экспертный сайт Высшей школы экономики // <http://opes.ru/1842592.html>.
- Темницкий А.Л. (2006) Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // *Мир России*. № 2. С. 79–107.

- Уокер Ч. (2012) Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 4. С. 521–538.
- Чернова Ж.В. (2003) «Корпоративный стандарт» современной мужественности. Инструкции по созданию // Социологические исследования. № 2. С. 97–104.
- Шилина Н.А. (2005) Трансформация маскулинности в российском обществе (социокультурный анализ). Автореферат диссертации. Ростов-на-Дону.
- Ashwin S. (2000) Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia (ed. Ashwin S.), London: Routledge, pp. 1–29.
- Ashwin S., Lytkina T. (2004) Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization // Gender and Society, vol. 18, no 2, pp. 89–206.
- Carrigan T., Connell R., Lee J. (1985) Toward a New Sociology of Masculinity // Theory and Society, vol. 14, no 5, pp. 551–604.
- Kay R. (2006) Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change? London: Ashgate.
- Kiblitckaya M. (2000) ‘Once We Were Kings’: Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-communist Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia (ed. Ashwin S.), London: Routledge, pp. 55–70.
- Meuser M. (2003) Modernized Masculinities? Continuities, Challenges and Changes in Men’s Lives // Among Men: Moulding Masculinities (eds. Ervo S., Johannson T.), Aldershot, UK: Ashgate, pp. 127–148.
- Meuser M. (2010) Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster, Opladen: Leske + Bundrich.
- Tartakovskaya I.N. (2000) The Changing Representation of Gender Roles in the Soviet and Post-Soviet Press // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia (ed. Ashwin S.), London: Routledge, pp. 118–136.
- Van den Berg M. (2011) Subjective Social Mobility: Definitions and Expectations of ‘Moving Up’ of Poor Moroccan Women in the Netherlands // International Sociology, vol. 26, no 4, pp. 503–523.

The Transformation of Russian Working Class Masculinities in the Context of Social Mobility

A. VANKE*, I. TARTAKOVSKAYA**

***Alexandrina Vanke** – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Department of Sociology, the State Academic University for the Humanities; Research Fellow, Institute of Sociology, RAS. Address: bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: alexandrina.vanke@gmail.com

****Irina Tartakovskaya** – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Department of Sociology, the State Academic University for the Humanities; Senior Research Fellow, Institute of Sociology, RAS. Address: bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: i_tartakovskaya@yahoo.com

Citation: Vanke A., Tartakovskaya I. (2016) The Transformation of Russian Working Class Masculinities in the Context of Social Mobility. *Mir Rossii*, vol. 25, no 4, pp. 136–153 (in Russian)

Abstract

This article examines working class masculinities in post-Soviet Russia and discusses their dynamics in relation to subjective social mobility between 1991 and 2015. The authors approach masculinity from the constructivist theory by Raewyn Connell, who suggests studying how masculinities evolve in multiple domains, such as labour, power, symbolic representations, and emotional relationships. Using the concept of subjective social mobility, the researchers focus on the analysis of the symbolic dimension of class movements, subjective expectations and the anxieties of working-class men about their social status. Our empirical qualitative analysis is based on 62 interviews with Russian industrial workers conducted after 1991.

The authors find that traditional and new types of masculinities coexist among the Russian working class. Traditional masculinity is typical among older male workers. It reproduces social practices of the Soviet gender order and forces men to achieve normative masculinity which is, however, barely possible for them to maintain today due to lack of economic resources. Young male workers strive to adopt a new type of masculinity, which contrasts with the traditional model in its independent, active and proactive character. Moreover, it forces men to perform the roles associated with the new gender order, which emphasizes the values of individualism, intensive consumption, and large investment in body and appearance. However, although young workers may want to shape their masculinity in such a way (and thus experience upward subjective social mobility), they also have restricted resources. Because of this, they often perceive themselves as ‘unsuccessful’ and experience habitual uncertainty. Nevertheless, they try to copy the lifestyle of the middle class and share some of their values.

Keywords: workers, masculinities, gender order, social mobility, social changes, Russia

References

- Ashwin S. (2000) Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. Ashwin S.), London: Routledge, pp. 1–29.
- Ashwin S. (2001) Utverzhdenie muzhskoi identichnosti na rynke truda v sovremennoi Rossii [The Formation of Masculine Identity on Labor Market in Contemporary Russia]. *Rubezh*, no 16–17, pp. 5–24.
- Ashwin S., Lytkina T. (2004) Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization. *Gender and Society*, vol. 18, no 2, pp. 89–206.
- Bourdieu P. (2007) Sotsial'noe prostranstvo i genesis klassov [Social Space and the Genesis of Classes]. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space], St. Petersburg: Aleteiia, pp. 14–48.
- Carrigan T., Connell R., Lee J. (1985) Toward a New Sociology of Masculinity. *Theory and Society*, vol. 14, no 5, pp. 551–604.
- Chernova Zh.V. (2003) “Korporativnyi standart” sovremennoi muzhestvennosti. Instruktsii po sozdaniyu [Corporate Standard of Modern Masculinity. A Guide to Creation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 97–104.

- Connell R.W. (2001) Maskulinnosti i globalizatsiya [Masculinities and Globalisation]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies] (ed. Zherebkin S.V.), vol. 2, Kharkiv: Aleteiya, pp. 851–879.
- Karavai A.V. (2015) *Zavedomo proigravshie: otnoshenie rossiiskikh rabochikh k resursam i reformam sotsial'nogo gosudarstva* [Definitely Losers: Workers' Attitude to Resources and Reforms of Social State]. Paper presented at the conference "Professionalism Reconsidered: Changes and Challenges in Welfare States". Moscow. 21–22 May 2015.
- Kay R. (2006) *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* London: Ashgate.
- Kiblit'skaya M.V. (2000) 'Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-communist Russia. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. Ashwin S.), London: Routledge, pp. 55–70.
- Kon I.S. (2009) *Muzhchina v meniaushchemsia mire* [Man in the Changing World], Moscow: Vremya, pp. 127–180.
- Kosterina I.V. (2012) "Botaniki" protiv Dzheimsa Bonda: nekotorye trendy sovremennoi maskulinnosti ["Nerds" vs James-Bonds: Some Trends of Contemporary Masculinity]. *Neprikosnovenniy zapas*, vol. 83, no 3, pp. 61–72.
- Maksimov B.I. (2004) *Rabochie v reformiruemoi Rossii, 1990-e – nachalo 2000-kh godov* [Workers in Reforming Russia, 1990-s – the Beginning of 2000-s], St. Petersburg: Nauka.
- Meshcherkina E.Yu. (2002) Bytie muzhskogo soznaniya: opyt rekonstruktsii maskulinnoi identichnosti srednego i rabocheho klassa [Male Consciousness: an Experience in Reconstructing Masculine Identities of Middle Class and Working Class]. *O muzhe(n) stvennosti* [On Maleness] (ed. Ushakin S.), Moscow: New Literary Observer Publishing House, pp. 268–287.
- Meuser M. (2003) Modernized Masculinities? Continuities, Challenges and Changes in Men's Lives. *Among Men: Moulding Masculinities* (eds. Ervo S., Johannson T.), Aldershot, UK: Ashgate, pp. 127–148.
- Meuser M. (2010) *Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*, Opladen: Leske + Bundrich.
- Shilina N.A. (2005) *Transformatsiya maskulinnosti v rossiiskom obshchestve (sotsiokul'turnyi analiz)* [Transformation of Masculinity in Russian Society (a Sociocultural Analysis)]. Synopsis of the thesis, Rostov-na-Donu.
- SMI ne pishut o rabochikh s natury* [Media Do Not Paint Workers from Life]. *OpenEconomy*. Available at: <http://opec.ru/1842592.html>, accessed 31 August 2016.
- Tartakovskaya I.N. (2000) The Changing Representation of Gender Roles in the Soviet and Post-Soviet Press. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. Ashwin S.), London: Routledge, pp. 118–136.
- Temnitskii A.L. (2006) Rabochie reformiruemoi Rossii kak ob'ekt sotsiologicheskikh issledovaniy [Workers in Reforming Russia as an Object of Sociological Studies]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 79–107.
- Van den Berg M. (2011) Subjective Social Mobility: Definitions and Expectations of 'Moving Up' of Poor Moroccan Women in the Netherlands. *International Sociology*, vol. 26, no 4, pp. 503–523.
- Vanke A.V. (2014) Telesnost' muzhchin rabochikh professii v rezhimakh truda i privatnoi sfery [The Corporeality of Working-class Men at Work and in Private Domain]. *Laboratorium*, no 1, pp. 60–83.
- Walker Ch. (2012) Klass, gender i sub'ektivnoe blagopoluchie na novom rossiiskom rynke truda: zhiznennyi opyt molodezhi v Ul'ianovske i Sankt-Peterburge [Class, Gender and Subjective Well-being in a New Labour Market: Life Experience of Youth in Ulyanovsk and St. Petersburg]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 10, no 4, pp. 521–538.
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2002) Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [Crisis of Masculinity in the Late Soviet Discourse]. *O muzhe(n)stvennosti* [On Maleness] (ed. Ushakin S.), Moscow: New Literary Observer Publishing House, pp. 432–451.
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2007) Sovetskii etakraticeskii gendernyi poriadok [Soviet Etacratc Gender Order]. *Rossiiskii gendernyi poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian Gender Order: Sociological Approach] (eds. by Zdravomyslova E.A., Temkina A.A.), St. Petersburg: European University of St. Petersburg, pp. 96–137.